

ПОЛОГРАММА СИЛЫ

Игорь Гетманский

Игорь Гетманский

Голограмма силы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гетманский И.

Голограмма силы / И. Гетманский — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

У планеты К-3, колонии Земли, нет будущего, если не устранить воздействие фактора-икс. Руководством планеты принято решение — высадить десант на старой родине и перевезти на К-3 миллион землян, что, по расчетам ученых, уничтожит фактор-икс. Однако непредвиденная случайность срывает выполнение тщательно разработанной операции. В числе захваченных землян оказывается сын кинорежиссера Алекса Нормана. Защищая жизнь своего ребенка, человек способен совершить невероятное, что подтверждает пример Алекса, превратившего аппарат для съемки голографических кинофильмов в мощнейшее пси-оружие.

© Гетманский И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Игорь Гетманский

ГОЛОГРАММА СИЛЫ

Моему сыну Олегу

*Те подвиги,
Что мы не совершили
Ради Любви —
Они у нас в сердцах
И ожидают часа воплощенья...*

ПРОЛОГ

Когда один из тысяч безэкипажных автоматов-разведчиков Глубокого Космоса вернулся на Землю с информацией о доселе неизвестной зелено-голубой планете на краю галактики, персонал Международного Отдела Космической Колонизации чинно отпраздновал очередную находку. Были сдвинуты и накрыты рабочие столы, куплены торты и шампанское, и начальник произнес сдержанную, но горделивую речь. За долгие годы работы Отдела такое празднество происходило третий раз. И каждый раз – по вполне определенному поводу.

Первые сведения, добытые разведчиком, говорили о том, что планета пригодна для жизни.

Открытие потенциальной базы для организации колонии вне Земли было событием редким и значительным. Уже давно земляне стонали от перенаселенности. Мало того, что никакие технические достижения не могли компенсировать губительное влияние роста населения на экологию планеты, скученность землян в огромных мегаполисах порождала чисто психологические проблемы, одни и те же во всех странах. Шизофренические эпидемии, массовые психозы, рост числа экстремистски настроенных групп и сопутствующий им беспрецедентный рост преступности ставил человеческий мир на край гибели.

В этих условиях активный поиск миров, пригодных для колонизации, приобрел первостепенное значение. И его начали незамедлительно, как только страны пришли к Единому Соглашению о программе разведки Глубокого Космоса.

После годичного подготовительного периода во все концы галактики были выпущены беспилотные автоматические станции специального назначения. Они должны были совершать гиперпространственные рейды от звезды к звезде и собирать информацию по принципу «в одно касание». Это означало стремительные нырки в подпространство, выход из него в определенной звездной системе и беглое изучение планетарной системы звезды на предмет поиска планеты, пригодной для жизни землян. Каждый аппарат-разведчик ежемесячно возвращался на Землю, оставлял собранные им сведения, подвергался обследованию, ремонту и дозаправке топливом. После этого снова отправлялся в путь.

За десять лет неустанной работы станций в Космосе и Международного Отдела Космической Колонизации на Земле удалось обнаружить только две соответствующие всем требованиям планеты. Им присвоили индексы К-1 и К-2, тщательно исследовали, и первые звездолеты с колонистами отправились в путь.

Радости землян и колонистов не было предела: пугающие перспективы перенаселенности уходили в небытие. Оптимистический настрой сбивало только то, что слишком малые территории суши были пригодны для жизни на обеих планетах. Принять они могли совсем небольшие партии землян, каких-то несколько десятков миллионов человек. Для Земли такая эмиграция проблемы перенаселенности не решала.

Нужно было ждать возвращения следующих станций.

С тех пор прошло три года, и вот наконец аппарат-разведчик принес весть о долгожданной находке. Планете присвоили индекс К-3 и незамедлительно направили все добытые на ней материалы в экспертную научную комиссию.

Результаты работы комиссии были неоднозначными.

Планета вращалась вокруг желтой звезды почти на том же расстоянии от нее, что и Земля от Солнца. Сила тяжести, атмосферные условия, процентное соотношение воды и суши, химические параметры почвы, состояние и состав флоры и фауны, уровень радиации – сотни и сотни ее характеристик максимально приближались к земным. Что было особенно приятно – растения и животные не шокировали своим необычным видом, как это было на К-1 и К-2, а радовали глаз знакомыми до боли формами и повадками. Единственное, что настораживало

– полное отсутствие высокоразумной жизни. Существ, которые сколь-нибудь возвысились бы над уровнем животных инстинктов, в этом мире не было. Ученые прикинули примерный возраст К-3 и присвистнули: она была ровесницей Земли. А это означало при прочих почти равных условиях, что автомат-разведчик должен был открыть цивилизацию братьев по разуму.

Этого не случилось.

Война? Нет. На планете не было никаких следов какой бы то ни было цивилизованной жизни, соответственно, не было и следов ее разрушения.

Может быть, прошло слишком много времени с момента катастрофы? Может быть, все поглотили леса и воды океанов? Нет. Самые глубинные исследования – с применением новейших тектовизоров и гидролокаторов – не дали никаких результатов.

Мировой вирус? Генные мутации? Здесь авторитетно сказали свое слово микробиология и генетики: доминантные факторы, могущие приостановить естественный ход эволюции или препятствовать ему, обнаружены не были.

И тем не менее, развитие жизни на К-3 когда-то прочно остановилось на стадии животного мира.

После нескольких месяцев кропотливой работы над разрешением головоломки К-3, комиссия так и не пришла к определенному мнению насчет решения о тотальной колонизации планеты.

Новый мир был лакомым кусочком, да и потребность в нем росла день ото дня. Огромное по численности и международное по составу Общество Космических Эмигрантов предъявляло многочисленные претензии к условиям жизни на К-1 и К-2, требовало новой колонизации, откровенно бряцало оружием. В этих условиях отказ от требований переселить желающих на вновь открытую планету, полностью идентичную Земле, мог спровоцировать экстремистские выступления ОКЭ. В комиссии это прекрасно понимали. Но также и очень четко представляли себе трагичность последствия переселения людей туда, где действовал невыявленный фактор, патогенный для разумной жизни.

В конце концов состоялось последнее заседание комиссии. На ней неизвестное свойство вновь открытого мира получило название «фактор Х», еще раз были взвешены все доводы «за» и «против». И, несмотря на все «за», вердикт ученых был однозначен: К-3 не пригодна для массовой колонизации.

Реакция Общества Эмигрантов на запрет была экстраординарной. Уже потом Совет Безопасности пришел к выводу, что Эмигранты имели своих информаторов в высших правительственных кругах и задолго до вынесения рокового решения начали подготовку к беспрецедентному акту протеста. Иначе невозможно было объяснить точную слаженность их действий, стремительность и автоматическую жестокость их боевых подразделений. Боевики ОКЭ уничтожили военизированную охрану центрального космодрома, взяли в заложники его многочисленный персонал и заняли круговую оборону. После этого на место событий прибыл президент Общества генерал Пирс и выдвинул Отделу Колонизации свои требования.

Экстренное совещание Мирового Совета было коротким. «Пусть летят! – сказал тогда Первый Координатор. – Мы дадим им все необходимое. Пусть летят! Но гибели наших людей мы им не простим.»

Через несколько дней огромный транспортный звездолет, вмещавший в себя несколько тысяч посадочных мест и сотни кубометров грузовых отсеков, начал методично курсировать по маршруту Земля – планета К-3.

Целый месяц продолжалась эвакуация членов Общества Космических Эмигрантов. Звездолет стартовал и возвращался на Землю под чуткой охраной бластеров боевиков. Специалистами ОКЭ над космодромом был развернут противоракетный «зонтик». Охрана экстремистов денно и нощно не спускала глаз с пустующей равнины вокруг космодрома.

Но осторожность была излишней. Земля спокойно и печально наблюдала за бурной деятельностью новоиспеченных колонистов и снабжала их необходимым оборудованием, оружием и запасами питания по первому требованию.

Через тридцать дней тягостный эпизод в истории Земли завершился: звездолет стартовал в последний раз, и прощальные огни его многочисленных дюз опалили небосвод холодным и равнодушным огнем.

Планета К-3 приняла около миллиона человек. Вопреки предупреждениям и ожиданиям земных ученых колонисты не испытали на себе никакого губительного воздействия сразу по прибытии и в дальнейшие годы. Фактор Х был объявлен выдумкой Отдела колонизации. Бурная деятельность по обустройству на новом месте только способствовала тому, что зловещее свойство нового мира было прочно забыто.

Колония К-3 с самых первых дней уверенно развивалась. Уже через год своего существования она стала настолько самодостаточной, что не нуждалась ни в чьей помощи со стороны. Через несколько лет молодая цивилизация уже переживала бурный расцвет. Настолько бурный, что генерал Пирс однажды сказал о «золотом веке родной планеты.» Колонисты забыли о своем прошлом. Дипломатические отношения расцветающей колонии с Землей установлены не были. Информационная связь осуществлялась редко и непланомерно, а с годами и вовсе прекратилась.

Далекая Земля продолжала жить своими заботами. Так сложилось, что почти сразу после драматических событий одна за другой были открыты три полностью пригодные для жизни планеты, и проблема перенаселенности была решена раз и навсегда. Земля впервые за последнее столетие вздохнула свободно и вплотную занялась обустройством жизни в новых благоприятных условиях. Были снесены покинутые мегаполисы, огромные освободившиеся пространства – засажены и засеяны. Проблема питания канула в небытие, экологическая обстановка резко улучшилась.

Жители Земли, подобно колонистам на К-3, не вспоминали о своих недружественных собратьях на другом конце галактики. Колонисты сами выбрали свою судьбу и сделали это так грубо и жестоко, что навсегда вычеркнули свои имена из памяти землян. Только у бывших членов экспертной комиссии остался чисто познавательский интерес: все-таки существует или нет загадочный фактор Х? и если существует, то как он проявит себя в судьбе колонии на К-3?

Большинству из них суждено было удовлетворить свое любопытство.

Фактор Х существовал, и его патогенное влияние сказалось на следующем поколении колонистов. Это и явилось прелюдией к той драме, которая снова развернулась на планете Земля.

Спустя тридцать лет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВТОРЖЕНИЕ

ГЛАВА 1

Низкое, натужно покрасневшее солнце изо всех сил пыталось удержаться над горизонтом, но все-таки неуклонно клонилось к закату. Медленные воды широкой городской реки отяжелели. Желтый песок небольшого пляжа на берегу стал рыжим. Жара спадала. Легкий ветерок принес прохладу и зеленые запахи свободно задыхавшего лесопарка.

Солнце устало, подумал Алекс и посмотрел на группу бесформенных фигур и вялые взлеты волейбольного мяча на другом конце пляжа. И все устали вслед за ним. И Алекс здорово притомился за этот жаркий день. Неудачный день – с утра бестолковый, после обеда – нервный и изматывающий, и только к наступлению вечера, когда захотелось просто заорать на весь свет от всех его нестыковок и глупых сюрпризов – хлопотливо-безмятежный. Да, подумал Алекс, хлопотливый и в то же время безмятежный. Это происходит тогда, когда хлопоты твои легки и не имеют никакого отношения к прожитому. И, слава Богу, что почти каждый его день заканчивается именно так. Потому что каждый вечер он гуляет с мальчиком.

Алекс затаился сигаретой и цепко взглянул на воду.

Мальчик купался. Пологое дно реки – вода по колено на тридцать метров от берега – увело его опасно далеко. Но он этого не замечал, хотя еще вчера боялся заходить в воду без отца. Только что прошел катер, и быстрые веселые волны надвигались на малыша с середины реки. Он завороченно смотрел на их приближение и ждал встречи. И встреча состоялась. Эти длинные холмы на воде были так упруги и игручи, так мягко и забавно затолкали его в животик, что он округлил ротик, азартно завизжал и изо всех сил заколотил растопыренной ладошкой по воде. Сердце Алекса дрогнуло. К черту твою унылость и жалобы, твои неудачи и усталость, сказал он себе. Посмотри, как счастлив твой мальчик, взгляни на него! Брызги плотным веером закрыли малыша от берега – только видно было, как сверкали расширенные детским восторгом глазенки, да рвался к берегу тоненький радостный крик:

– Пап, смотри! Смотри! Смотри!!

Вот и удивительное открытие, с улыбкой подумал он, оказывается, водичка разбивается на много-много маленьких кусочков. Он отбросил сигарету и, не снимая джинсовых шорт, вошел в реку. Разгоряченные ступни приятно заныли в прохладной воде, он расправил загоревшие плечи и двинулся к своему трехлетнему сыну. Сейчас побарахтаемся, и домой. Малыш, наверно, совсем продрог.

– Папака, иди сюда!

«Папака – это я!» – добродушно пояснил сам себе Алекс, подошел ближе и тут же получил в грудь дробный заряд обжигающих водяных брызг. Он закричал и замахал руками. И захохотал. Еще одно открытие: кусочки воды можно направлять, куда надо! А здесь как раз и папака подошел! Сын восторженно и выжидательно смотрел на него. Алекс зарычал и раскинул руки – «Вот я тебя сейчас поймаю!» Малыш завизжал и, высоко вскидывая ножки, размахивая ручонками, помчался к берегу.

Разморенный пляжный люд лениво обмякал в последние минуты сеанса в бесплатном солярии. Никто не купался, разговоры затихли – свершалась подспудная подготовка к неприятному уходу в город, к заботам следующего дня. Малыш выскочил на прибрежный песок, и пляж огласился его залихватским смехом. Он бежал не разбирая дороги – по чужим одеялам, надувным матрасам, перепрыгивал через разложенные на песке вещи. Люди удивленно подни-

мали головы, кто-то засмеялся, кто-то беззлобно выругался... Полная рыхлая бабка впереди раздраженно поднялась и широко расставила тумбообразные ноги. Намерения ее не оставляли сомнений – оборвать маленького баловника! Вот этого Алекс допустить никак не мог. Он хотел пробежаться с сыном до лесопарка, но – раз такое дело – прибавил ходу и позволил себе нагнать малыша. Он подхватил на руки брыкающееся тельце, поцеловал его в спинку и в тысячный раз удивился, сколько нежности находят губы в этой полупрозрачной, покрытой мягким светлым пушком коже.

– Все, мой хороший, все, успокаивайся! Давай-ка разотремся полотенцем и пойдем. Ты у меня совсем замерз.

Малыш соскользнул на землю и уперся отцу руками в живот. Алекс терпеливо стоял, выдерживая довольно чувствительные толчки и улыбался. Сейчас мальчишка сбросит заряд от веселой погони, и Алекс займется им всерьез.

– Мама уже ждет нас дома с ужином. Ты собираешься домой?

Малыш немного успокоился, не отвечая, присел на песок, вырыл ладошками небольшой котлованчик и залил его речной водой. Благодушно посмотрел на свою работу и поднял голову:

– А что, папака, уже вечер?

Вчера он узнал, что такое утро, день и вечер, вопрос прозвучал раздумчиво и основательно.

– Да, Микки, уже вечер. – Алекс сходил к кучке их вещей за махровым полотенцем и закутал в него сына. – Посмотри на солнце. Оно было высокое и белое, а теперь покраснело и скоро сядет за дома. А потом и совсем уйдет за горизонт. («Надо будет как-нибудь объяснить ему про горизонт!»). Станет темно и наступит ночь. А сейчас, значит, вечер...

Он говорил, а сам уже сидел на корточках и осторожно растирал сына, сочетая различные виды массажа. Мальчик размяк, прислонился к плечу отца. Все, удовлетворенно подумал Алекс, наконец-то набегался вдоволь. Сейчас поужинает, и спать будет, как убитый.

– Устал, Микки? – ласково спросил он.

Малыш навалился на него всем телом и задумчиво поцарапал ноготком по отцовской груди.

– Нет, пап. Я еще хочу в песочек поиграть.

Ну, это ненадолго, подумал Алекс. Он повозится, а я покурю. Он одел на сына шорты и маечку.

– Иди, во-он большую кучу кто-то накопал. Только в воду больше не заходи.

– Ага! – оживший малыш подхватил свою лопатку и пластмассовый самосвал и поковылял к песчаной куче. Алекс закурил.

Солнечный диск коснулся крыш игрушечных небоскребов на горизонте. Мегаполис Дельта, широко раскинувшийся на другой стороне реки, затихал и сонно глядел на свою вытянутую конечность – периферийный зеленый район, с трех сторон окаймленный речным изгибом. Отсюда Алекс наблюдал сейчас закат, и вдруг подумал: как повезло Микки, что его родители живут в таком месте. Это был наиболее живописный и чистый городской регион – удаленный от транзитных городских магистралей, с лесопарком, пляжем, непривычно незастроенным побережьем. Воздух здесь был всегда намного чище, нежели на «Большой Земле», дети и взрослые болели значительно реже.

Он удовлетворенно огляделся и посмотрел на отдыхающих. Люди собирали свои вещи и потянулись к лесопарку, сквозь который шла аллея к жилым кварталам района. Скоро потопаем и мы, подумал Алекс, и этот день закончится. А завтра... Что принесет ему завтра? Он вздохнул.

Похоже, что уже давно продолжается не самый лучший период в его жизни, но что он может сделать, все так перепуталось... Он посмотрел на Микки – тот сосредоточенно сопел над строительством тоннеля в горах. Мой мальчик... Сколько же сил и времени ты потребовал

у папы и мамы, чтобы вот так, наконец, говорить, бегать, строить. И сколько еще надо в тебя вложить! И ничего, малыш, ничего: пусть твой папа напишет одним сценарием меньше, не получит ту чуточку признания, которого когда-то так хотел, будет заниматься не тем, что-то не доделает для себя, неважно. Он знает, что происходит: он платит за любовь. И готов платить, пока жив. Потому что не знал он ее никогда, ни с одним человеком, а вот появился ты и... К черту эту усталость, этот мировой кризис, безработицу, жалкие гроши за его работы, упреки жены – к черту всю эту картину: он знает, что если он любит, то все сумеет. Необходимо только время...

Он сильно затянулся сигаретой, ее кончик вспыхнул и зашипел. Необходимо время, Микки. Ничто не меняется в один день. Папа сумеет заработать, чтобы чаще и дольше быть с тобой рядом. И надолго уводить тебя из дома, от вечно раздраженной мамы. Но может быть, в лучшие времена и она станет лучше, как знать... Все образуется...

Алекс опустил голову. Господи, что за дела! Мировое сообщество XXI-ого века, чуть ли не плановый социализм, единая валюта, международные мегаполисы, звездолеты шарят по всем галактикам, везут на Землю руду, нефть... Почему кризис?! И такой длительный, уже несколько лет!

Он с досадой отшвырнул сигарету. Разве бы он согласился заниматься этим голографическим кинематографом, если бы не безработица! Пит симпатичный и, похоже, способный парень, и полностью захвачен какой-то идеей. И ему нужен компаньон. И именно такой, как Алекс... Почему – пока не очень понятно... Но ведь Алексу это неинтересно, он хочет зарабатывать тем, в чем его призвание, в чем он сильнее многих!

Ладно, писатель, умерил он свой пыл, много тебе удалось добыть этим своим призванием? Ты почти безработный, сценарист. Кому сейчас нужны слова и сюжеты? Не те времена. И их надо как-то пережить: ведь у тебя Микки и Кэт...

Он задумчиво почесал подбородок: выбора у него все равно нет, завтра он пойдет и узнает все подробнее. Удалось бы заработать хотя бы на хлеб у этого Пита, по сегодняшним меркам и это уже неплохо. Ну, во-всяком случае, находиться в неизвестности ему осталось недолго. Завтра станет ясно, на ту ли лошадку он поставил...

Алекс посмотрел на часы, потом на мальчика. Тоннель обрушился, и песчаная гора украсилась живописной пещерой. Сейчас мы соберемся, и я расскажу ему про Синдбада и остров циклопов, подумал Алекс. Пусть еще поиграет, вон как пытит, интересно. Чем дольше нас не будет, тем лучше сумеет отдохнуть Кэт, не будет так ворчать. Еще немного, минут десять. Он отвернулся к воде.

С Питом и его семьей он познакомился неделю назад. Жена Пита была подругой юности Кэт. А у женщин бывает так: через десять лет после выпуска из колледжа одной из них вдруг ударит в голову – хлоп! – и звонит соседке по парте! «Ну, как ты, милая? О-о! А мой-то... А твой?.. О-о-о!!» В данном случае в голову ударило жене Пита – Бобби, и она набрала номер Кэт... Результатом беспорядочной часовой болтовни по телефону стал скромный уикэнд двух семей на берегу реки.

Алекс согласился на совместное мероприятие неохотно: слишком озабочен и измотан он был. За последнее время он совершенно отчаялся заработать больше того, чего кое-как хватало на скудный ежемесячный набор продуктов. Главное, что не было никакой гарантии на следующий заработок. Он продавал свои работы случайно, по бросовой цене, часто отдавал авторство, и каждый раз не знал, найдет ли покупателя снова. Да и запасы написанных в разное время сценариев и рассказов иссякали, а сейчас, без тихого рабочего места, дома с Микки и Кэт, он писать не имел никакой возможности. «Пиши ночью!» – говорили ему. – Все так делают!» В ответ он только отмалчивался. Как бы он мог бегать по редакциям, искать работу, гулять с мальчиком, оберегать его и ухаживать за ним, да еще держать фронт под натиском упреков неуравновешенной и вечно подавленной жены, если бы не спал!

Да, он не хотел идти на пикник, и все-таки пошел: скандала с Кэт не хотелось. И когда познакомился с Питом, тот вдруг предложил ему сотрудничество. Сразу. Через полчаса после первого рукопожатия, как только пришло время выкурить по сигарете. Они отошли подальше от жен и детей, сели на траву около воды, и Пит без обиняков выложил свое предложение.

– Но почему я? – искренне удивился Алекс, даже не спрашивая о сути дела.

– Нас свела сама судьба, – тихо проговорил Пит. – Моя Бобби рассказала о вас то, что узнала от Кэт. И если это правда, то вы – человек, который мне нужен!

Алекс тогда с интересом рассмотрел Пита. Одного возраста с ним, за тридцать, узкоплечий, субтильный, не ровня невысокому, но жилистому Алексу. Одет аккуратно, и чувствуется здесь не заботливая женская рука, а врожденная приверженность к опрятности и достойному внешнему виду. И глаза – необычные: широко расставленные, зеленые, как изумруды. И чистые. Честные. Ему можно верить, подумал тогда Алекс, я выслушаю его.

– И что же она рассказала?

Пит улыбнулся:

– Да многое. Вы знаете эти женские разговоры и дальнейшие перепевы мужьям на кухне. В общем... я сумел составить о вас впечатление. А главное... – он дотронулся до руки Алекса. – Вы ведь в детстве несколько лет жили в Китае?

– Да, – несколько удивленный, просто ответил Алекс. – Мой покойный отец был там в долгосрочной дипломатической командировке. Тогда как раз готовился проект создания мирового сообщества. Он работал с китайским правительством. Мне было семь лет, когда я в первый раз попал в Пекин.

– И вы вернулись сюда уже юношей?

– Точно, – Алекс посмотрел на Пита. – А это имеет значение?

Пит не ответил на вопрос.

– Кэт говорила, что вы все годы своего пребывания там, посвятили буддизму... А ведь это немало: где-то около десяти лет...

Алекс разочарованно смерил Пита взглядом. А-а, понятно, еще один неофит буддизма, а скорее всего религиозный коммерсант. Собирается организовать секту и по возможности стричь с паствы денежки. Таких мы видели еще в Китае. Пачками. Как раз тогда там были нелегкие времена, как сейчас во всем мире. Такие периоды для сектантов – страдная пора: люди, лишившись в кризис привычных точек опоры, ищут их в мистике и религии. Надо же, удивился Алекс, вот так фрукт. А первое впечатление производит хорошее... Он подумал, как бы отвязаться поделикатнее и решил ответить откровенно:

– Знаете, Пит, я до сих пор преклоняюсь перед учением Будды, и действительно отдал ему немало времени... – Он запнулся. – Хотя это не очень верно: время-то я отдавал не столько ему, сколько кунг-фу. Пацан был, это понятно, хотелось научиться драться, а существует мнение, что китайское кунг-фу – такая штука, что ее без веры в Учение не освоишь... Ну, а в детские годы легко обрести веру. Тем более, если чего-то очень хочешь в ответ. Но – все это в прошлом. Как только я вернулся сюда – все ушло. Я был молод, мне захотелось этой, нашей жизни, цивилизованной, полной – не Пустоты, не Абсолюта. – Он пожал плечами. – Не знаю, может быть я не прав. Но, – он улыбнулся внимательно слушающему Питу, – в одну реку невозможно войти дважды, я ни о чем не жалею. Единственное, что во мне осталось из того, китайского периода – привычка к неглубоким медитациям. Знаете ли, очень хорошо восстанавливает силы.

– Так мне и нужна именно эта ваша привычка! – радостно воскликнул Пит и схватил опешившего Алекса за плечо. Тот с удивлением воззрился на него:

– Но зачем?

Глаза Пита возбужденно заблестели, он приблизил к Алексу свое маленькое птичье лицо с огромными изумрудными зрачками и зашептал:

– Я вам все расскажу, Алекс! Дело касается трехмерного кинематографа, ну вы знаете! Голографическое кино. Вы, наверное, и сценарии для него уже писали.

Алекс кивнул. Да, он написал пару вещей для голографической студии. И прошли они у режиссера на «ура!». Только вот будут ли ставить по ним фильмы, а значит, и платить деньги – это был вопрос. Кино, которое использовало последние достижения в области создания динамических голограмм, появилось совсем недавно, и о массовом прокате даже и вопрос не стоял. Для него нужно было строить специальные кинотеатры со специфическим оснащением: достаточно того, что экраном или, точнее, экраным полем служил в них непосредственно зрительный зал. Да и производство прокатной аппаратуры тоже влетало в копеечку. Но Алекс как профессионал кинематографа знал, что игра стоит свеч. За этим зрелищем, за этим действием было будущее.

Он помнил, какое ошеломительное впечатление на него произвел первый просмотр экспериментального голографического фильма.

Под демонстрацию картины главреж тогда отдал второй по величине съемочный павильон студии. Строили когда-то его, обнося стенами поле площадью в тысячу гектаров, и как полагается в помещениях такого объема, бардак здесь был страшный. Половина этого амбара была забита старинными каретами и макетами звездолетов; часть занимал костюмерный склад, но костюмы королей, лифы и корсеты вперемешку с рыцарскими доспехами попадались почему-то в самых неожиданных местах; в углах были свалены зазубренные ледорубы, кривые сабли, автоматы Калашникова и бластеры; после съемок фильма ужасов стены были залиты несмываемой «кровью»; в самом темном углу с потолка свешивался муляж висельника с выпученными глазами...

Ко всеобщему изумлению, как только включилась аппаратура «трехмерников», все это исчезло, пропало, и Алекс оказался в пронизанном солнцем лесу. Его обступали вековые сосны, пахло хвоей – «неужели сделали и синтезатор запахов?» – где-то вдалеке кричала птица. Он посмотрел себе под ноги. Густая трава доходила почти до колен, она скрывала его ботинки и хотелось сделать шаг и услышать шорох раздвигаемых стеблей. Алекс протянул руку, хотел дотронуться до ближайшего дерева, но рука прошла сквозь него, он не ощутил ничего, кроме пустоты.

Чудно... и здорово! – восхитился Алекс. – Стопроцентный эффект присутствия! Мечта кинематографа с момента его рождения! Он повернулся, жадно осматриваясь вокруг, и... Из-за сосны бесшумно вышагнул человек в окровавленной одежде, темное лицо его было неподвижно, раскосые безумные глаза ничего не выражали. Правая рука его сжимала нож. Он молча развернулся, уперся в Алекса взглядом и с таким же неподвижным, ничуть не изменившимся лицом бросился на него...

Алекс потом со смехом вспоминал, как провел встречный удар ногой, названия которого из кунг-фу уже не помнил. И вместе со всеми хохотал над рассказом очевидцев, как он хлопнулся после этого на пятую точку и выкаченными глазами смотрел в спину уходящего вглубь леса фантома. Фантом невозмутимо прошел сквозь него и скрылся.

На самом деле, в момент встречи с лесным убийцей Алексу было не до смеха. И он почему-то это хорошо запомнил...

– Алекс! Вы слушаете?

– Да-да, Пит... Я в курсе проблем трехмерников. Все это очень громоздко и дорого стоит.

– Вот! – вскинул указательный палец Пит. – А я решил эту проблему! – Он хотел было продолжить, но замялся. – Ладно, об этом потом, не сейчас... Но почему мне нужны именно вы? Единственное, что требует мое открытие от человека – это способность к сосредоточению и управлению динамическими образами. Без этого ничего не получается. И это могут делать только спецы. И вы.

Он снова сблизил свое лицо с лицом Алекса:

– Вы находка для меня, не выписывать же мне на студию энтузиаста аутотренинга, буддиста или йога! Во-первых, я уверен, за уникальность услуги они потребуют дикие суммы. А во-вторых, они бы и не справились, это сможете сделать только вы с вашей писательской фантазией. Вы можете создать динамический образ – разве вы не занимаетесь этим каждый день, когда пишете свои сценарии? Вы можете управлять им – разве ваши замыслы в голове статичны? И самое существенное из этих важнейших ваших достоинств – вы способны сосредоточиться и не упустить его! Потому что по большому счету вы – квалифицированный медитатор с многолетним опытом!

Только в этот момент Алекс и задал себе вопрос: что же такое придумал его новый приятель? Он хотел спросить, но вот тут-то их и прервали. В ближайших кустах раздался громкий визг Микки и девичьи крики. Алекс только усмехнулся.

Две дочурки Пита, четырех и пяти лет, после краткого знакомства с его малышом сразу взялись за Микки всерьез. Сначала они учили играть его в ленточку, потом утащили показывать свои закопанные в землю секреты – гуляли с мамой они здесь часто; по возвращении из Страны Великих Секретов они затолкали его в кусты и стали строить шалаш, чтобы жить в нем одной семьей. Микки, поглядывая на отца, стоически пытел, прыгая через ленту; нахорливившись, выкапывал бутылочные стеклышки с фантиками из земли; сурово сведя бровки к переносице, таскал ветки для шалаша. Неизвестно еще, кто кого опекает, весело думал Алекс. По-моему, мой мальчик ведет себя как настоящий мужчина: отменя в сторону ложную гордость, помогает женщинам в их нелегких, но таких презренных воином делах! Но, видно, подумал Алекс, слушая возмущения Микки, и терпению настоящего мужчины когда-то приходит конец!

Женщины, хлопотавшие над покрывалом с закусками, подняли головы:

– Алекс! – сказала Кэт.

– Пит! – сказала Бобби.

– Посмотрите, что там еще! – выкрикнули они в унисон. И недоуменно поглядели друг на друга. Мужчины рассмеялись и отправились утрясать конфликт.

Под вечер Пит крепко пожал Алексу руку и сказал:

– Как только у вас появится свободная минута, приходите ко мне в студию. Я вам покажу такое, чего вы в жизни не видели. – И добавил. – Я надеюсь, что мы будем работать вместе...

Прошла неделя, и вот теперь Алекс собрался идти к Питу. Завтра.

Он очнулся от раздумий, снова взглянул на часы и негромко крикнул сыну:

– Микки Норман, молодой человек! Прошу вас собрать игрушки и пройти к воде, чтобы вымыть ноги!

– Па-ап! – капризно прогундосил малыш. Алекс отнесся к этому спокойно: если бы он слышал что-нибудь другое, это означало бы, что Микки уже не три годика, а намного больше. Он бесшумно подошел к мальчику со спины и быстро, но бережно подхватил его на руки.

– А-а-а! – заголосил Микки Норман, но сколько в этом голосе было игры и радости! Алекс зашел по колено в воду, прополоскал лопаточку и самосвал, обмыл мальчику ноги и надел на него носочки и босоножки. Потом он вынес сына на берег и поставил на землю. Все!

– Пойдем... – запыхавшись, пробормотал он и вбил ноги в старые резиновые шлепанцы.

– А сумки? – Микки ткнул пальчиком в сторону их вещей.

– О, чуть не забыл! – Алекс хлопнул себя по лбу. – Молодец, – сказал он и направился к вещам.

Он устало брел к сумкам, загребая шлепанцами песок, и думал о самом разном. О том, успеют ли они на автобус, и через сколько времени они приедут домой, и надо ли накинуть на Микки курточку, вроде бы с реки задул ветерок... И еще он думал, будет ли их ругать Кэтти за то, что они задержались, и что ему надо ответить, чтобы не было скандала... Он брел и думал,

и ощущал усталость и удовлетворение от того, что прогулка удалась, и даже забыл про Микки у себя за спиной.

И вдруг почувствовал, что происходит что-то необычное. Не страшное, нет! Необычное... Он замедлил шаг. Что-то как-будто мягко толкнуло его в спину. Мягко и ласково, как будто котенок ткнулся в ладонь теплой мордочкой. Он встал, как вкопанный, и обернулся.

Микки стоял, опустив руку с лопаткой, около ног его замер блестящий после мытья самосвал. Микки стоял, и глаза его были распахнуты, а в них текли медленные воды реки. Микки стоял и смотрел на своего отца – так, как это могут делать только дети.

Отстраненно.

И изумленно.

И впитывающе.

Алекс тихо подошел к нему и остановился напротив. Микки поднял посерьезневшее личико.

– Папака, а мы всегда будем вместе, да?

И улыбнулся. И протянул ему руку.

А Алекс вдруг как-то в один момент потерял свое сердце. Оно ухнуло и пропало. И он не смог больше дышать. А потом он нашел его, и услышал в груди его биение, и задышал снова, но теперь знал, что оно уже никогда принадлежать ему не будет. Он отвел увлажнившийся взгляд и ничего не ответил, и некоторое время молча смотрел на почти закатившийся красный шар. А потом встал перед малышом на колени, взял в свои руки маленькую теплую родную ладошку и крепко прижал к губам.

И увидел, как засияли круглые глаза малыша.

Назавтра Алекс проснулся с необычно хорошим настроением. Он позвонил Питу и договорился о встрече. Потом рассеянно выпил чашку кофе, выкурил сигарету, улыбнулся на спящих Микки и Кэт и вышел из дома.

Жил Пит не очень далеко, в коттеджном микрорайоне, который когда-то самолюбиво растолкал огромные небоскребы мегаполиса и теперь гордо стоял среди серых гигантов, радуя глаз видом пышных садов и ярких островерхих черепичных крыш. Алекс никогда здесь не бывал – его маршруты всегда лежали далеко в стороне – и поразился, насколько тихо, зелено и свежо может быть буквально в ста метрах от центральных улиц района. Он медленно, смакуя каждый шаг, проходил мимо цветистых изгородей из шиповника вокруг коттеджей, с наслаждением слушал жужжание шмелей, вдыхал запах свежескошенной травы. Алекс улыбался и думал: «Кое-где ничто не меняется, несмотря на мегаполисы, Глубокий Космос и мировые кризисы. Или, если уничтожается, при первой возможности восстанавливается с мистической быстротой и точностью. И я знаю почему. Потому что сама Природа помогает человеку в этом строительстве... Таких тихих мест будет еще больше. Колонизация К-6, говорят, успешна, как ни на каких других планетах. А это значит, что и мы с Кэт сможем когда-нибудь жить вот в таком местечке...»

Нужный ему адрес он нашел быстро. К своему великому сожалению. Кто знает, чем его будет потчевать Пит, а вот прогулка вдоль тенистых коттеджных садов ему доставляла большое удовольствие.

– Алекс! – Пит спешил к нему навстречу от крыльца обширного белого особняка. – Не заблудились? Я вас уже жду, спасибо, что позвонили перед приходом. – Он подошел и дружески взял его под руку. – Пойдемте сразу в студию, в мой домик.

Они прошли по чистой гравиевой дорожке вглубь обширного яблоневого сада. Домиком Пит называл длинное аккуратное строение за особняком. Пит открыл широкую скрипучую дверь, и Алекс оказался в просторном и светлом помещении, больше похожим на лабораторию научного института, нежели на кинематографическую студию. Он огляделся.

Студия представляла собой широкий коридор, по обе стороны которого стояли громоздкие и миниатюрные приборы самой разной формы и неизвестного назначения. Располагались они на полу, на специальных фигурных подставках и на бесчисленных железных столиках вдоль обитых белым пластиком стен. По полу от двери бежала красная ковровая дорожка и утыкалась в небольшую пустую сцену в другом конце помещения. Возле сцены приветливо мерцал монитор компьютера, в единственном окне тихо гудел кондиционер. Было чисто и светло. Алексу здесь понравилось.

– Проходите! – Пит подтолкнул Алекса к маленькому диванчику возле пустого письменного стола. – Сейчас будем пить кофе. Курите, Алекс.

Пит засуетился возле белого шкафчика с надписью «Аптечка» и достал из него пепельницу, чашки и кофейник. Потом бестолково потоптался с кофейником в руках, что-то пробормотал, близоруко сощурил глаза и вышел за водой. Алекс улыбнулся ему вслед. Он заметил, что Пит волнуется, и очень хорошо его понимал. Так же и он, когда еще был штатным сценаристом одной крупной киностудии, суетился и терялся, когда режиссер вдруг заходил к нему в кабинет и просил почитать неоконченный сценарий.

Это и приятно и волнительно, и страшно – когда отдаешь на суд людской дело своих рук...

Пит скоро вернулся, они выпили кофе, покурили, поболтали о пустяках, посмеялись. А потом Пит вдруг отдвинул свою чашку и встал с места.

– Я ничего не буду вам сейчас подробно объяснять, Алекс, вы поймете сами. Скажу только: вы видели ту аппаратуру, которая требуется для записи и воспроизведения трехмерного фильма – кинокамеры, компьютеры, лазерные проекторы, пленка размером с паруса фрегата! Ничего не поделаешь – таков процесс и технология! – Он не к месту засмеялся, развел руками, а потом остановил на Алексе вдруг посерьезневший взгляд. – А теперь идите за мной.

Пит прошел по ковровой дорожке до самой сцены, повернул налево и исчез за своими приборами. Алекс проследовал за ним, и увидел массивный насыпной сейф с кодовым электронным замком. Пит покопался с набором кода, открыл сейф и достал из него...

Алекс ожидал увидеть нечто необычное: все-таки он был здорово заинтригован. Он подался вперед, вытянул шею и заглянул Питу через плечо. И не смог удержать разочарованного фырканья: тот держал в руках всего лишь какой-то оранжевый ребристый шлем и пластиковую коробку с заплочными ремнями. Пит повернулся к нему, обеими руками прижимая к себе предметы.

– Не фыркайте, Алекс. Не фыркайте. Здесь, – он кивнул на шлем и коробку в своих руках., – вся голографическая техника современности. Все эти их бесчисленные приборы, которые производят трехмерную динамическую голограмму – вот в этих штуковинах! И что самое главное – у меня в руках весь процесс: и студия, и кинотеатр! Шлем – съемка, а генератор, – он вытянул вперед коробку, – воспроизведение! Ну, каково?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.